

Можно ли спасти американскую демократию? Рецензия на книгу: Hunter J. D. (2024) *Democracy and Solidarity: On the Cultural Roots of America's Political Crisis*. New Haven

НАТАЛЬЯ В. КАРПОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-0994-3032>

262

Рекомендация для цитирования:
Карпова Н. В. (2026) Можно ли спасти американскую демократию? Рецензия на книгу: Hunter J. D. (2024) *Democracy and Solidarity: On the Cultural Roots of America's Political Crisis*. New Haven. *Социология власти*, 38 (2): 262-271.
EDN: YYDASY

For citation:
Karpova N. V. (2026) "Can American Democracy Be Saved?" Book Review: Hunter, J. D. (2024) *Democracy and Solidarity: On the Cultural Roots of America's Political Crisis*. New Haven. *Sociology of Power*, 38 (2): 262-271.

Поступила в редакцию: 20.11.2025;
принята в печать: 12.01.2026
Received: 20.11.2025; Accepted:
12.01.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Судьба либеральной демократии, или Парадокс саморазрушения

Тема, поднимаемая в рецензируемой книге американского социолога Дж. Д. Хантера «Демократия и солидарность: о культурных истоках политического кризиса в США», в своем проблемном ракурсе не является принципиально новой. Это не первый труд, посвященный поиску идеальной формулы политической культуры, обеспечивающей стабильность демократического развития США¹. Однако интерес к данной монографии обусловлен довольно смелым утверждением автора о конце либеральной демократии в Аме-

1 В качестве создателей понятия «политическая культура» и родоначальников подобного рода исследований, посвященных поиску политических ценностей, обеспечивающих поддержание демократической политической системы в американской науке, выступили Г. Алмонд и С. Верба (Almond, Verba 1989).

рике и дальнейшей попыткой анализа сложившейся ситуации. Повествование «вращается вокруг культурных источников, которые легли в основу формирования либеральной демократии, и как эти источники посредством конфликта развивались на протяжении двух с половиной столетий» (р. xi), становясь причиной распада фундамента американской демократии. Центральная тема работы заключается в раскрытии парадоксальной исторической ситуации, когда культурно-интеллектуальные источники либерально-демократического проекта (идеи естественного права, индивидуальной автономии, критического разума и суверенитета народа), выполнив на ранних этапах свою институционально-образующую функцию, в процессе своей эволюции стали фактором глубокой внутренней эрозии той политической системы, которую они же и породили.

Джеймс Дэвисон Хантер (род. в 1955 г.) — профессор Университета Вирджинии, специализирующийся в области социологии культуры и социологии религии, основатель и исполнительный директор Института передовых исследований культуры при данном университете. Значительная часть его трудов посвящена непосредственно исследованию культурного развития, а также проблемам морального порядка в период политических изменений в американской жизни. Хантер также известен разработкой термина «культурная война», представленного в его ранее написанной книге «Культурные войны: борьба за определение Америки» («Culture Wars: The Struggle to Define America») в 1991 году. Под «культурной войной» ученый понимает моральную по своей природе борьбу за контроль над американской культурой и социальными институтами между консервативными религиозными группами и политически прогрессивными оппонентами, которая в том числе предопределяет логику политического развития государства. Если более тридцати лет назад абсолютизация данной концепции могла бы вызвать определенное несогласие в академическом сообществе и среди общественности, то в настоящее время значение культурных расколов и противоречий отрицать очень сложно. Центральная идея, которую Хантер продвигает в своих работах, заключается в том, что многие политические диагнозы определяются «глубинными структурами культуры» (р. 9).

Основным мотивом создания рецензируемой монографии для исследователя стала его вполне понятная обеспокоенность (в том числе гражданская) судьбой либеральной демократии в Америке, которая, по сути, изначально являлась политическим символом страны и стержнем ее национально-государственной идентичности. Хантер отмечает, что разрушение базовых институтов демократии в США в настоящее время становится все более очевидным не только для специалистов и политиков, но и для простых американских граждан.

Начиная свой труд с «выстреливающего» положения о том, что демократия в Америке находится в кризисе, на протяжении всей работы социолог последовательно в контексте логики политико-культурного развития страны обосновывает, почему жизнеспособность и долговечность либеральной демократии в США, как основного институционального и идеологического конструкта нации, больше не внушает ему надежды на перспективное будущее. Автор доказывает, что первопричина этого кроется отнюдь не в политическом процессе и ошибках в государственном управлении демократов или республиканцев, а в том, что политические проблемы, справедливо беспокоящие американское общество «на самом деле являются симптомами более глубокой проблемы <...> коренящейся в крайне хрупких и непредсказуемых обстоятельствах» (р. 6), при которых зародилась американская демократия и ее культурный фундамент.

Глубинные структуры американской культуры: солидарность, конфликт и рамки «терпимого различия»

264

За каждым политическим строем кроются, как отмечает автор, глубинные основы культуры, представляющие собой «неявный порядок, стоящий за видимым порядком вещей» (р. 9). Они существуют в виде невысказанных правил, схем и ресурсов, находят свое проявление в политической практике и сохраняют жизнеспособность системы. Для Америки подобной глубинной основой, обеспечивающей жизнеспособность либеральной демократии, исторически стала идея *солидарности*, характеризующаяся как культурно обоснованная потенциальная готовность социальных групп к объединению с другими людьми и представляющая основу для демократических свобод. В качестве примера в книге детально рассматривается символическое оформление этой идеи в первоначальном девизе Соединенных Штатов — «E pluribus unum» («Из многих — единое»).

Солидарность (в отличие от консенсуса) для Хантера выступает более содержательным понятием, выходящим за рамки формального договора, и предполагает сложное переплетение рациональных, аффективных, психологических элементов, человеческого опыта, определяющих границы культурной сплоченности, в которых проходят легитимные политические дебаты, дискуссии и действия. Снижение уровня изначальной культурной солидарности неизбежно влечет за собой уменьшение ресурса демократических оснований политического строя и появление авторитарных тенденций. И на данный момент, как полагает автор, кризис американской

демократии заключается не просто в раздробленности общества, не в кризисе избирательной системы, не в конкретной политике Д. Трампа, а в том, что *ни у политических элит, ни у граждан больше нет общих ценностных оснований для поддержания и воспроизводства самой идеи солидарности.*

Хотя противоречия, неопределенность и конфликты присутствуют в любых политических системах, однако наличие культурной солидарности создает пространство, где общество может легитимно разрешать существующие противоречия и возвращаться в состояние устойчивого развития. Исторически культурный стержень либеральной демократии в США образовывала идея о разнообразии общества «в своих интересах, идеях, ценностях и обязательствах», которая вместе с тем предоставляла институциональный механизм для устранения этих различий, ведущий к общему благу. Соответственно, устойчивость американской демократии в культурном измерении изначально основывалась на определении границ идейных различий, являющихся потенциальными источниками конфликта, разрушающего солидарность нации.

Данное положение также не является принципиально новым, в нем прослеживается продолжение идей С. М. Липсета, полагавшего, что «стабильная демократия требует манифестировать конфликт, или раскол, <...> чтобы шла борьба за ведущие позиции, чтобы кто-то бросал вызов партиям, стоящим у власти, чтобы происходили смены правящих партий» (Липсет 2016, с. 23). Ученый отмечал, что любой потенциальный или реальный конфликт может рассматриваться как условие демократии только при существовании легитимного консенсуса между «своими» и «чужими», препятствовавшего дестабилизации демократии. По сути, Хантер конкретизирует взгляды Липсета, указывая на то, что основная формула баланса между согласием и конфликтом в условиях демократии реализуется посредством поддерживаемых обществом формальных и неформальных правил, образующих рамки «терпимого различия» (р. 33).

265

Гибридное Просвещение как культурный геном американской демократии

Для характеристики культурной инфраструктуры, на базе которой развивалась фундаментальная идея американской солидарности, Хантер вводит понятие «гибридное Просвещение», «представляющее собой синкретическое смешение культурных источников, черпавших вдохновение из множества различных направлений мысли и практики», включающих в себя греческий и римский республи-

канизм, протестантский кальвинизм, локковский индивидуализм. Американское «гибридное Просвещение, — подчеркивает автор, — стремилось обеспечить этическое видение преобразования общественной жизни. Оно <...> создало источники солидарности и сплоченности, которые в силу своей непрозрачности могли сдерживать многочисленные внутренние разногласия в демократии» (р. xi).

К предтечам гибридного Просвещения Хантер относит идеи таких мыслителей, писателей и проповедников английского и шотландского Просвещения, как И. Ньютон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Э. Э. Купер, Т. Рид, А. Смит, А. Фергюсон, Д. Юм и др. «Это был синтез, основанный на богатых традициях мысли и практики, черпающий свои идеи как из Библии, так и из философских традиций естественного права, обязанный как Откровению, так и разуму, этот гибрид Просвещения заложил основу для зарождения демократической жизни, которая отличалась от всего, что было прежде» (р. 54). Принципиальным в формуле гибридного Просвещения было то, что, несмотря на объективные различия между «многими» социальными группами, образовавшими американское государство, в нем существовала сплоченность, основанная на религиозном образе, который давал уверенность в том, что Америка — это нация, существующая под руководством Провидения и движущаяся к тысячелетней надежде на обновленный мир.

266

Как этический идеал, по словам Хантера, гибридное Просвещение стало, безусловно, плодотворной и мощной идеологемой, но в то же время данный проект с самого начала был незавершенным и содержал в себе ряд противоречий, постоянно угрожающих распаду солидарности, которую он должен был, наоборот, укреплять. Например, идея провозглашаемого равенства никогда в Америке на практике не была полностью реализована. Это проявлялось в отношении коренных племен континента, рожденных в Африке рабов, католиков, мормонов и др. (р. 94–102). В то же время в рамках концепции гибридного Просвещения всегда находились идеи, оправдывающие дискриминацию определенных социальных групп. Важно, что гибридное Просвещение обеспечивало культурные рамки, логику и структуру, в рамках которых можно было разрешать противоречия, антагонизм и разногласия.

Проработка культуры: есть ли надежда на возрождение солидарности?

Историю американской демократии автор рассматривает через попытки политических элит пересмотреть, реконструировать и возродить идеи гибридного Просвещения, называя такой процесс

фрейдистским термином «проработка» (*durcharbeiten*) культуры. «Проработка, — пишет автор, — это осознанный и целенаправленный процесс, который включает в себя то, что сам Фрейд называл “волей к воспоминаниям” и, в итоге, волей к преодолению и исправлению нанесенного ущерба» (р. 26). Вместе с тем *durcharbeiten* — это не просто процесс «коллективной психологии», наподобие переоценки определенных взглядов и мнений народа в определенное историческое время, а социологический процесс, включающий в себя взаимодействие ведущих политических институтов, политических элит, ресурсов и интересов, формирующих нарративы, оправдывающие конкретные политические действия в логике изначальных культурных идей.

Значительную часть работы занимает изложение автором того, как прорабатывалась культурная логика, поддерживалась и создавалась идейная основа солидарности на различных этапах исторического развития страны. Например, во время Второго великого пробуждения, охватившего США в XIX веке, в общественном дискурсе возросла роль евангелических религиозных тем. Это общее религиозное наследие на какое-то время позволило урегулировать даже такой разрушительный конфликт, как борьба с рабством. Как сказал Линкольн в своей второй инаугурационной речи, и Союз, и Конфедерация «читали одну и ту же Библию и молились одному и тому же Богу».

267

В результате «проработки» старые культурные установки не исчезают, а переосмысливаются, границы терпимости в культурных противоречиях сдвигаются. Особая роль в этом процессе принадлежит интеллектуальной элите, которая обладает способностью увидеть причины противоречий и возможностью формировать новые символические смыслы. В качестве иллюстрации роли подобных интеллектуальных дискуссий, отражающих поиск механизмов «проработки» и путей сохранения либеральной демократии в определенные исторические периоды, Хантер разбирает ряд научных дискуссий, в том числе между Р. Нибуром (Niebuhr 2011) и Дж. Дьюи (Dewey 1939) о значимости прогресса в укреплении солидарности.

При этом автор отмечает, что успех «проработки» зависит еще и от «культурной экономики», которая включает в себя отдельных лиц и институты (СМИ, социальные сети, издательства, университеты и пр.), производящие необходимые для поддержания солидарности идеи, популяризирующие их и внедряющие в повседневную практику. В «Демократии и солидарности...» подчеркивается, что в настоящее время американская политическая культура поляризована не только по своим ценностям, убеждениям, картинам мира, но и по конкурирующим «культурным экономикам», которые поддерживают противоречивые картины мира в обществе. «Поля-

ризация различных культурных инфраструктур закрепляет и поддерживает поляризацию ценностей и убеждений, создавая условия, в которых легитимность и авторитет любой правящей власти, какой бы она ни была, навсегда легитимируются» (р. 30).

Крупные расколы 1960-х гг. превратили трещины американской культуры в пропасти, а иммиграционные реформы изменили как демографический, так и культурный ландшафт общества. Действительно, если посмотреть сегодня, например, на расово-национальный состав Нью-Йорка, то белые от общей численности населения в нем составляют лишь 35,85%, за ними следуют афроамериканцы — 22,7%, но самая быстрорастущая часть населения мегаполиса — это выходцы из Азии, которые в своей культурной генетике весьма далеки от основ западного по своей природе гибридного Просвещения. Логичным продолжением и объективным подтверждением рассуждений автора выступает победа З. Мамдани на выборах мэра Нью-Йорка, ставшего первым мэром-мусульманином за всю историю города.

268

Также Хантер пытается донести до читателя, что попытка «проработать» культурные основы при помощи поиска внешних угроз и новых врагов, чем сейчас активно занимаются американские политические элиты, не в силах решить проблему солидарности на долгосрочную перспективу. Поскольку при исчезновении или ослаблении внешнего врага, как основы солидарности, внешний конфликт переходит в конфликт внутрикультурный. Так, Хантер показывает, что после окончания холодной войны при отсутствии общего врага в виде Советского Союза, вокруг которого нация находила общее сопротивление, источники раскола национальной идентичности сразу же обратились внутрь. И хотя террористическая атака 11 сентября смогла ненадолго снова объединить нацию против исламского радикализма, однако по мере возвращения жизни в нормальное русло призрак и этого врага стал отступать, все больше усиливая внутренние противоречия. Получается, что бесконечный поиск внешних угроз еще больше усугубляет культурную борьбу и культурные травмы в политическом сообществе, которую Хантер характеризует по аналогии с конфликтом между враждующими племенами, протекающим вне поиска культурного консенсуса. Практически весь политический дискурс американской политики превратился на сегодняшний день в дискурс отрицания, в котором каждая политическая партия или группа стремятся подорвать, или «отменить» легитимность оппонентов.

От гибридного Просвещения к «метагуманизму»: контуры новой солидарности

Хантер приходит к выводу, что система идеалов гибридного Просвещения в настоящее время потеряла свою нормативную силу и спо-

способность объединять нацию. В нынешних США утрачены практически все национальные цели («телосы»), которые изначально были связаны с «исключительностью» американской нации, играющей «роль знаменосца свободы и демократии». Американская солидарность сейчас опирается только на истощенный процедурализм (формальное соблюдение «правил игры»), а главной доктриной в стране стал эмотивизм, утверждающий, что все моральные суждения являются не более чем выражением личных или субъективных чувств и установок (р. 311–312).

Автор уверен, что без существования некоего общего легитимного дискурса, направленного на поиск общих целей и истины, американская культура вырождается во всеобщую враждебность, где все изображают из себя обиженных жертв. Идеи гибридного Просвещения активно вытесняются новой культурной логикой, которую Хантер характеризует в традициях Ф. Ницше как комбинированную «логику нигилизма», где отрицаются объективные истины, этические ценности и авторитетные знания, и ресентимента, обуславливающего раскол общества на «воюющие гегемонистские проекты», которые видят друг в друге экзистенциального врага.

Отвечая на финальный и, по сути, риторический вопрос книги, сформулированный в последней главе «Куда идет либеральная демократия?», Хантер отмечает, что культурные проблемы требуют культурных решений. По его мнению, с одной стороны, демократию в Америке нельзя назвать полностью умершей, несмотря на то что в ее основе лежит культурная пустота, делающая ее дальнейшее развитие невозможным. В этой связи социолог призывает к поиску нового национального мифа, который помог бы снова объединить нацию, признавая вместе с тем, что сделать это сейчас совсем непросто. Но с другой стороны, глубина культурного конфликта в американском политическом сообществе настолько критична, что не позволяет, по словам автора, разработать «десять конкретных мер, которые могли бы возродить культуру демократии» (р. 377). Подвергает автор сомнению и тенденцию к фетишизации прошлого об отработанной мифологии, полагая, что «романтические реконструкции прошлого становятся ослеплением для тех, кто не способен или не желает встречать вызовы настоящего, и утешением для тех, кто разочаровался в будущем» (р. 376).

В заключительной части автором предлагаются некоторые идеи, которые могли бы сработать в качестве этических нарративов для новой идеологемы солидарности. К первой из них автор относит идею «прощения», о которой в свое время говорила Х. Аренд. «Без прощения, — обращается он к цитате исследовательницы, — без освобождения от последствий того, что мы сделали, наша способность действовать была бы, так сказать, ограничена одним-единственным поступком, от которого мы никогда не смогли бы опра-

виться; мы бы навсегда остались жертвами его последствий» (Arendt 1998, с. 237). В качестве второй объединяющей идеи, по его мнению, может выступить всеобщее осуждение политического насилия, поскольку «фундаментальная предпосылка демократии заключается в том, что человек не убивает другого из-за разногласий; напротив, эти разногласия обсуждаются — серьезно и по существу» (р. 379).

Также одной из возможных основ новой политической культуры демократии может стать концепция «возрожденного гуманизма». Этот реконструированный гуманизм не должен быть простым формализмом, преследовавшим академическую политическую теорию во второй половине XX века. Вместо этого он должен стать чем-то вроде «метагуманизма», отражающего «неоспоримую множественность позднесовременного мира и его нередуцируемую партикулярность» (р. 380). «Возрожденный гуманизм» должен опираться на широкий спектр традиций — христианскую, исламскую, индуистскую, буддийскую, конфуцианскую, африканскую, которые связаны воедино общим пониманием универсальных проблем человеческого бытия, касающихся смысла жизни, человеческого сострадания, этики и т. д. Значительную роль при этом должна сыграть деполитизация обширного гражданского пространства, «колониализированного идеологическими и партийными интересами».

270

Несмотря на то, что рецензируемая работа так и не дает конкретных практических рекомендаций или точных ответов на вопросы о будущем развитии американской демократии, а в силу отсутствия какой-либо эмпирики выглядит несколько абстрактной, недооценивать ее научную значимость нельзя. Важно, что проблема культурной «проработки» своих глубинных основ может встать в определенные исторические моменты перед любым государством, переживающим политические изменения и кризисы. Эта книга, безусловно, не только про американские проблемы и способы их решения, в ней заложен более глубокий методологический смысл. Предложенный Дж. Д. Хантером анализ политического развития страны через призму культурных логики и экономики может стать универсальным теоретическим алгоритмом для политико-культурных исследований применительно к любой стране. Нет сомнений, что данный труд, дискуссионный по своему характеру, еще получит широкий резонанс в научных и общественных кругах.

Список источников / References

Липсет С. М. (2016) *Политический человек: Социальные основания политики*. М.: Мысль.

— Lipset S. M. (2016) *Political man. The Social Bases of Politics*. Moscow: Misl'. 612 p. (in Russ.)

Almond G. A., Verba S. (1989) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Sage Publications, Inc.

Arendt H. (1998) *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press.

Niebuhr R. (2011) *The Children of Light and Children of Darkness*. Chicago: University of Chicago Press.

Dewey J. (1939) Experience, Knowledge and Value: A Rejoinder in *The Philosophy of John Dewey*, ed. P. A. Schlipp. Evanston, IL: Northwestern University Press. Dewey J. (1937) Education and Social Change. *Bulletin of the American Association of University Professors*, (6).

Об авторе / About the author

Карпова Наталья Владимировна — к.соц.н., доцент, доцент кафедры социальных технологий социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Научные интересы: политическая социология, политическая культура, политическая социализация, электоральная социология.

<https://orcid.org/0000-0003-0994-3032>. E-mail: nvkarpova2020@mail.ru

Nalalia V. Karpova — PhD, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. Research interests: political sociology, political culture, political socialization, electoral sociology.

<https://orcid.org/0000-0003-0994-3032>. E-mail: nvkarpova2020@mail.ru